

ЯНИНА ЛОГВИН

ЯНИНА ЛОГВИН

НА ИЗЛОМЕ АЛОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО **АСТ**
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л76

Логвин, Янина.

Л76 На изломе алого / Янина Логвин. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 320 с. — (Бестселлер сентиментальной прозы).

ISBN 978-5-17-121099-1.

Александра. Алька. Алый...

Игнат всегда знал, какой цвет у его любви. Не важно, сколько тебе лет, когда приходит настоящее чувство — сердце отказывается молчать. Оно верит, что любые стены преодолимы. У Сашки Шевцовой есть мечта — обрести крылья и стать свободной. Ее мир похож на клетку, из которой не выбраться, и пусть прутья невидимы, они держат крепче стальных. Когда в ее жизни появляется Игнат, Сашка точно знает, что этому парню со светлой улыбкой и гитарой в руках не место рядом с ней. Придется Игнату доказать, что их чувства способны изменить мир.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-121099-1

© Логвин Я., текст
© ООО «Издательство АСТ»

Твой герой

*Сделай потише звук плеера, выключи в комнате свет,
Не говори со стенами,
Поговори со мной,
В эти мгновения Вечность диктует любви сюжет,
Ты не одна в этой Вечности...
Я с тобой.*

*Не засыпай неукрытая, не на моих руках,
В сумраке бродят монстры,
Я слышу их жуткий вой.
Сказку расскажет нам ветер в солнечных облаках,
Я обещаю быть рядом,
Только усни со мной.*

*Мраком покрыт и холодом твой мир из стальных зеркал,
Тени скользят, как скальпели...
Я выйду с ними на бой.
Только скажи, что любишь, я тебя всю жизнь ждал.
Дай мне поверить, что я —
Твой герой.*

Припев:

*Я стану, кем ты захочешь — рыцарем островов,
Вершителем тысячи судеб, покорителем берегов.
Стану тем, с кем проснешься, однажды шагнешь к мечте.
Только скажи что любишь, что веришь мне.*

Suspense (c)

За стеной слышалась мужская брань, раздался женский вскрик, и сразу же за ним последовал глухой звук удара. Сашка подняла голову от письменного стола, за которым делала уроки, отложила ручку в сторону и обернулась. Вскрик повторился. И, кажется, упали и разбились настенные часы.

— Ты меня знаешь, Витка... Убью!

— Дима, не надо!

Они всегда кричали и сбегали от него — многочисленные подруги отца. Проклинали и снова покупались на крепкую фигуру и интересную внешность. А значит, и эта сбежит. Ненадолго задержалась, даже месяца не прошло.

Сашка встала из-за стола и подошла к окну. Протянув худенькую руку, отдернула в сторону старую занавеску. Чтобы не слышать крики из отцовской спальни, прикрыла уши ладонями и прижала лоб к холодному стеклу...

Надо же, зима нынче, а снега нет. Все моросит-моросит, словно на календаре не декабрь месяца, а конец октября. Вот и сейчас в свете уличных фонарей мелкая морось сыпала на землю почти отвесно, заставляя прохожих поеживаться, поднимая воротники, и прятаться под капюшонами. Зима...

Сашка выдохнула на стекло и на запотевшем пятнышке пальцем нарисовала снежинку. Вздохнула и приготовилась ждать. Фонарь напротив окна хорошо освещал подъезд, и девочке хотелось увидеть, как она уйдет — та, чей всхлип доносился сейчас уже из прихожей. Уйдет из их жизни, чтобы всего через месяц снова стать свободной. Сашка от всей своей юной души ей завидовала.

К первой снежинке добавилась вторая, а затем пятнышко увеличилось, и на стекле появилась третья — красивая, с кружевной бахромой. Сашка умела рисовать и почему-то этой осенью все ждала и ждала первый снег, как будто с ним в ее жизни обязательно должно было случиться что-то особенное. Настоящее.

К стеклу неожиданно прилипла белая крупинка — крохотная снежинка. Она упала на капли мороси и тут же истаяла. Сашка удивленно моргнула и распахнула глаза. Приложила ладони к стеклу, вглядываясь в вечерние сумерки. Неужели к утру быть снегу?

Во двор въехала легковая машина, а сразу же за ней показался большой и длинный фургон с надписью «Грузоперевозки». Он затарахтел, забухтел двигателем, пробираясь между домами, и вслед за машиной остановился напротив их подъезда. Из обоих автомобилей вышли люди, и минуту назад еще пустой двор неожиданно оживился.

Новые жильцы, мелькнула у девочки мысль. Наверняка в двенадцатую квартиру, что на третьем — этажом ниже. Сашка знала, что в квартире уже год, как никто не жил. Соседи говорили, будто новые хозяева приехали с севера. То ли преподаватели, то ли врачи. Интеллигенция, как выразилась баба Лида — местная сплетница. Когда из фургона стали выносить мебель — красивую

и по Сашкиным меркам жутко дорогую, стало даже жалко, что так густо сыплет морось.

Девочка не сразу заметила в наметившейся суете полноватого мальчишку. Выбравшись из отцовской машины, он кружил возле невысокой женщины и радостно озирался вокруг. Увернувшись от материнской ласки, неожиданно отбежал в сторону и рассмеялся. Встав под фонарь, раскинул руки, поднял голову... и неожиданно их глаза встретились.

Глупый. Ну и зачем так долго смотреть? Промокнет ведь.

За спиной Сашки, в прихожей, хлопнула дверь, и девочка вздрогнула. В коридоре раздались тяжелые шаги, и на стену привычно обрушился отцовский кулак.

— Сашка! Сашка, мать твою! Выходи! Убери там все... Если эта сука вернется — задавлю!

Девочка задернула шторы и отвернулась от окна. Посмотрела в сторону притворенной двери. Не вернется. К нему никто никогда не возвращался. С ним неизменно оставалась только она — его дочь.

— Сейчас... Уже иду, пап!

— Алька Шевцова! Алька! С ума сошла? Слезай, разобьешься! Я все Тамаре Михайловне расскажу! Это старая теплица, здесь же написано, что за огражденную территорию заходить нельзя! Хочешь, чтобы из-за тебя наказали весь класс?!

— А ты, Крапивина, еще громче ори, тогда точно накажут.

К ветхому кирпичному строению на школьных задворках Игнат прибежал последним и сейчас остановился, разглядывая своих новых одноклассников. Большая перемена еще не закончилась, дверь черного хода возле спортзала оказалась открыта, и все гурьбой высы-

пали на улицу. Это был его второй учебный день в новой школе, он еще не успел ни с кем сдружиться и старался держаться класса.

— Шевцова, ты же обещала Тамаре Михайловне, что больше не будешь сюда забираться. Никуда не будешь! Мы же хотели обговорить выступление девочек на новогоднем вечере! Так нечестно! Я не могу одна за всех решать!

— Это ты, Крапивина, была там и давала слово. Я ничего никому не обещала. И перестань уже за мной бегать. Не стану я танцевать ваши дурацкие танцы!

К теплице подошли ребята постарше, кто-то из них чиркнул зажигалкой, и шестиклассники посторонились. Дети не одного поколения собирались здесь, дирекции школы давно пора было поставить вопрос о сносе теплицы ребром.

Один из подошедших, высокий темноволосый паренек, вдруг, засмеявшись, окликнул девочку:

— Чайка! Эй, Чайка! Что так низко летаешь? А выше слабо?

Легкая и прыткая, девочка перепрыгнула через оконный провал и взбежала вверх по металлическому каркасу. Раскинув руки, балансируя в трех метрах над землей, оглянулась.

— Не слабо. А тебе? — отставив ногу в сторону, закачалась на тонкой рейке, провоцируя мальчишку. В этот декабрьский день она была без шапки, и светлокаштановые волосы длиной до плеч трепал ветер. Она не улыбалась, но на губах появилась усмешка, когда девочка протянула руку и показала парнишке средний палец.

— Я знаю, что слабо, Чвырев, иначе ты бы еще в прошлый раз доказал. Эй, это, кажется, твое? — она сняла с плеча спортивную сумку и подняла ее вверх. Взмахнув

над головой, бросила в сторону тополя. Зацепившись за голый сук, сумка качнула ветку и повисла. Из прорехи в молнии выпал кед, да так и остался болтаться на длинном шнурке высоко над землей.

— Эй... ты! — изумленно и беспомощно выдохнул темноволосый паренек под общий смех, но сделать ничего не мог.

— Не плачь, Чвырев! У сторожа стремянка есть, достанешь. Не забудь только сказать человеку волшебное слово «Пожа-алуйста!», — посоветовала Сашка. — И признаться, что это ты вчера разбил окно в раздевалке!

— Закрой рот, Чайка! Я тебя убью!

— Сначала поймай! И не лезь ко мне, я тебя предупреждала!

Сегодня в столовой было шумно, семиклассники за столами веселились. Никто и не заметил, как один из них, изловчившись, толкнул другого, и тот упал спиной на девчонку, обедающую за соседним столиком. Никто не пострадал, кроме ее тарелки с едой, в которой вдруг оказались компот с булочкой. Игнат в этот момент смотрел на свою одноклассницу и слышал, как этот Чвырев хохотал. Учительница была всего в нескольких метрах, мальчишка был уверен, что пожалуется Сашка Шевцова на шутника, того сразу же строго осадят, но она просто встала и молча ушла. А сейчас...

А сейчас девчонка легко спустилась по каркасу с другой стороны теплицы, птицей слетела на землю с полуметрового кирпичного уступа и побежала к школе...

— Уйди, Пухлый! — темноволосый парнишка врезавшись в него, оттолкнул в сторону. — Чего встал! Чайка, стой! — крикнул обидчице в спину, бросаясь вдогонку. — Все равно не убежишь!

Все дети смотрели им вслед и Игнат тоже. Он специально шагнул парнишке наперерез, но на большее сме-

лости не хватило. Ему очень не хотелось, чтобы этот мерзкий тип Чвырев догнал Сашку.

— Ты ведь живешь в моем доме, да?

Она не ответила, даже не посмотрела в его сторону. Просто открыла тетрадь и записала дату и тему урока.

— Я видел тебя. А меня зовут Игнат. Игнат Савин. Мы недавно в ваш город переехали.

— Знаю, не глухая, — не поднимая головы, ответила Сашка. — Тамара Михайловна тебя всем представила.

— И я твой сосед. Только живу на третьем этаже, а ты на четвертом.

— Зачем ты сел ко мне, Савин?

Вот теперь Сашка подняла взгляд от тетради и посмотрела на мальчишку. Он сидел в полуметре, очень близко, и его синие глаза с живым интересом ее рассматривали — тонкое худенькое лицо с правильными чертами и едва заметными веснушками на носу. Какое-то отрешенное, что ли. Закрытое.

— Не знаю. Мне захотелось, — честно признался Игнат. Он вдруг почувствовал, что Сашке врать нельзя.

Когда начался урок английского, и все зашли в класс, Игнат остался стоять у порога в ожидании учителя. Та вошла в кабинет, важно стуча каблуками — тонкая, высокая, не улыбкающая женщина средних лет — и свысока поприветствовала учеников.

— Good afternoon, children! Sit down, please. We begin our lesson¹.

Повернувшись к мальчишке, ответила сухим кивком.

— Меня зовут Венера Игоревна. Я говорила с твоими родителями, Савин. Очень надеюсь, что у тебя не возникнет сложностей с выполнением домашних заданий по

¹ Добрый день, ребята! Садитесь, пожалуйста. Начинаем наш урок (англ.).

моему предмету. Как любой уважающий себя педагог, я приветствую в учениках старание и прилежность. И не терплю опозданий. Все ясно?

— Да, Венера Игоревна.

Игнат был единственным ребенком в семье, поздним ребенком, он с детства привык к любви и опеке, а потому ничуть не удивился, когда узнал, что мама с папой уже успели поговорить с преподавателем. Так было всегда — родители на шаг впереди. Но под смешками мальчишек, отпущенными в его сторону: «Смотрите, Пухлого привела за ручку мамочка», — он стусевался и покраснел.

— Беленко, тихо мне! — строго одернула ученика «англичанка». — А ты, Савин, не стой у порога и не задерживай урок.

Учительница предложила сесть, и Игнат снова заметил, как недовольно поджалась губы у светловолосой девочки за второй партой — Вероники Маршавиной. Классный руководитель в первый же день посадила их вместе, объяснив это тем, что у девочки есть авторитет в классе, но заносчивая отличница мальчишке не понравилась. Ничуть. Он услышал, как она прошептала в сторону соседнего ряда:

— Надоел! Что мне и на английском с этим толстяком сидеть?

Вот уж нет! Игнат и сам был не рад вынужденному соседству. На уроке иностранного языка ученики разделились на две группы, и свободных мест в классе оказалось достаточно. Глаза сами отыскивали Сашку, и мальчишка с осторожной радостью в душе отметил, что она сидит одна. Впрочем, за два дня учебы он успел заметить: Шев-

цова всегда сидела одна. Неизменно в ряду у окна и за последней партой.

Игнат прошел мимо Маршавиной и сел за парту к Сашке. Пожалуй, первый раз в жизни чувствуя, что ему все равно, о чем подумают другие. По классу полетели удивленные шепотки.

— Ну, все! Сейчас Чайка его шуганет! — донеслось до него смешливое, и Игнат затаил дыхание.

Не шуганула. Даже внимания не обратила. Мальчишка выдохнул и открыл школьный рюкзак. Разложил на столе новые учебные принадлежности и затих, поглядывая в сторону соседки.

— Итак, тема сегодняшнего урока «Наречия» (Adverbs), — тем временем отозвалась учительница, выводя на доске слово красивым почерком. — Сегодня мы с вами узнаем, на какие вопросы отвечают наречия, что они описывают, а также рассмотрим на конкретных примерах, как наречия образуются и употребляются в английской речи. А начнем мы, пожалуй, с того, что все достанем учебники и откроем их на странице... Крапивина! Я сказала открыть учебник, а не рот! Сейчас же!

— Извините, Венера Игоревна. Но это все Беленко! Он говорит обо мне гадости!

— Ябеда!

— Сам дурак!

Сашка сидела неподвижно, уставившись в тетрадь, будто и не слышала просьбы учителя.

— Эй! — тихонько окликнул ее Игнат. Он достал книгу и положил перед собой, раскрыл на нужной странице. — Венера Игоревна сказала всем открыть учебники, — напомнил девчонке.

Она напряглась, но к рюкзаку не потянулась. Только взглянула коротко.

— Я же сказала, что не глухая, — резковато ответила. — У меня отличный слух.

— У меня тоже. Музыкальный, — не растерялся мальчишка и вдруг робко улыбнулся Сашке.

Он не был толстым, вовсе нет. Может, немного полноватым, невысоким и неуклюже вежливым со всеми, как и надлежит быть домашнему мальчику. Темно-русые волосы чуть вихрились надо лбом, большие синие глаза смотрели открыто, а губы улыбались... Сашка не хотела, но зацепилась взглядом за его улыбку — необычную и какую-то чистую, что ли. Засмотрелась. На полных щеках мальчишки показались ямочки.

— Почему ты все время смотришь на меня? — неожиданно для себя спросила, не то с удивлением, а не то с упреком. — Как будто мы знакомы, но ведь это не так?

— Нет, — покачал головой Игнат и ожидаемо смутился. Он и сам не мог сказать «почему». Просто смотрел, и все. Не мог не смотреть, как только впервые увидел Сашку.

— Шевцова! — неожиданно строго прозвучало от доски, и они оба вздрогнули.

Сашка медленно поднялась.

— Шевцова! — повторила англичанка. — Я не вижу на столе твоего учебника. Где он?

— Я его забыла дома, Венера Игоревна.

— Как? Опять? — удивилась женщина. — Шевцова, это продолжается не первый месяц и не первый год. Я вообще не понимаю, как ты с таким отношением к предмету умудряешься учиться. Передай мне свой дневник, пожалуйста, — она важно приосанилась и в требовательном жесте протянула руку. — Я вынуждена написать замечание твоим родителям.